

Ананьева Раиса

ВОСПОМИНАНИЕ О ПРОШЛОМ

Раиса Ананьева

Воспоминание о прошлом

«Издательские решения»

Ананьева Р.

Воспоминание о прошлом / Р. Ананьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505675-7

Нам кажется, что мы все знаем об истории нашей страны. И мы думаем, что нас ничем не удивишь. Но такой пронзительной и правдивой книги об истории русского крестьянства вы не читали.

ISBN 978-5-00-505675-7

© Ананьева Р.
© Издательские решения

Воспоминание о прошлом

Раиса Ананьева

© Раиса Ананьева, 2019

ISBN 978-5-0050-5675-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мои родители – Тихон и Матрена – поженились 19 февраля 1922 года. Матери было 19, отцу 21. Происходило это все в селе Завальное (ранее – Хомутовка) Усманского уезда, Воронежской области (ныне – Липецкая область). Родители женились по любви, и свадьба состоялась бы раньше, но время было очень тяжелое. Отец скрывался и от белых, и от красных – был дезертиром, поэтому дома ночевал редко, скрывался в степи с такими же, как он, не желающими воевать. Только после объявления амнистии, они смогли пожениться. Как водится, они пошли жить к свекрови Наталье. Но семья отца была большая, состояла из 14 человек и всего двух работников: отца и его старшего брата – дяди Вани, еще не женатого. Отец их – дедушка Яков – умер еще в 1920-м году от тифа. Порядка в доме не было никакого. Бабка Наталья была женщина злая, «бранчливая». Ругань в доме не прекращалась. Правда, ругалась она больше с дочерьми, маму не задевала, но все равно жить здесь было тяжело. Мать с отцом постоянно уходили к дедушке Леонтию (маминому отцу), где было спокойно и сытно. А за два месяца до родов остались у него насовсем. Мать родила Марию ровно через год – 19 февраля 1923 года. Дед Леонтий был сущий трудоголик, он, конечно, мучил отца работой очень сильно. Отец иногда жаловался на него матери, ворчал, но на открытый протест не решался из-за своего характера и из-за любви к маме. Ну а так, было все хорошо, жили дружно, всего было достаточно, несмотря на тяжелую продрозверстку, которой тогда облагались все крестьяне. В 1925 году родился Алексей, в 1927 – Николай. Незадолго до этого выдали замуж сестру – тетю Полю, а вскоре после этого умерла бабушка Анна (мамина мать). Они остались вшестером: дед, мать, отец и трое детей. У них было две коровы, скота – целый двор. Работали не покладая рук. С 1927 года пошли разговоры о колхозе. Перед этим создавали комбеды (комитеты бедноты). В условиях, когда землю поделили по «едокам», и ее всем хватало, а земля была черноземом – ее даже удобрять было не надо – бедняками были лодыри и пьяницы. Всех крестьян поделили на бедняков, середняков и кулаков. Крестьяне относились к этому спокойно, не представляя, чем это обернется дальше. Бедняки объединялись в комитеты, коммуны. Государство помогало им деньгами, техникой, семенами. Но все это благополучно пропивалось. Работать из них никто не хотел, только заседали целыми днями. Руководили всем этим Бубнов, Барбашин и их прихлебатели. Бубнов точил зуб на деда Леонтия за то, что он не отдал ему в жены дочь – тетю Полю – первую красавицу в деревне, и с хорошим приданным. Бубнов сватался за нее 3 раза, и всегда безрезультатно. Последний раз дед ему не только отказал, но и обозвал его «пропойцей» и бездельником. Сказал что лучше увидит дочь мертвой, чем отдаст за него. Бубнов пригрозил деду, что он припомнит это, и выполнил свою угрозу. 1928 год прошел тревожно. Собирали в сельсовете хозяев и уговаривали вступать в колхоз. Для этого приезжали из города «10-тысячники», коммунисты. Они сулили золотые горы, приводили примеры богатой жизни уже существующих колхозов. А сами не могли отличить овес от проса, не знали совершенно крестьянского труда. И естественно, останавливались все у бабы-самогонщицы, пьянствовали вместе с членами сельсовета. Облагали зажиточных крестьян непонятными налогами, а те боялись им отказать.

В селе стало беспокойно, смурно. Кто поумнее и дальновидней – продавали все и подавались в город. Но таких было мало. В 1929-м году прошло 1-ое раскулачивание. Раскулачили самых богатых, отбирали все до последней курицы и белья. Под эту мясорубку попал и старший сын деда Егор. Это был очень умный, работающий и многосемейный мужик. Ему уже было 70 лет. Он умер в дороге, по пути в Сибирь. Всем объявили, что с кулаками разделались. Теперь все должны вступить в колхоз, отдать всю скотину и птицу, семенной фонд, весь инвентарь. Кто не вступит – объявляется подкулачником – и его ждет та же участь, что и кулаков. Богатство кулаков члены сельсовета делили между собой несколько дней с мордобоем. Сами вселились в лучшие дома, похуже – раздавали комбедовцам, тоже со скандалами и дракой. Некоторые дома сельские ребята поджигали из озорства. Вот в таких условиях приходилось вступать в колхоз. Дед был просто убит этим вступлением. Теперь он жалел, что не послушался брата Егора, сказавшего ему перед высылкой: «Левка, беги отсюда. Распродай все за бесценок, у вас семейка маленькая, подавайтесь в город, какую-нибудь хибару себе купите и проживете. Но как же мог дедушка Леонтий расстаться со своей скотиной, которую любил, как своих детей. Когда наступал период получения молодняка у скотины, дед ночевал в хлеву. Сам принимал роды у лошадей, коров, овец, свиней. Выхаживал молодняк, носил его на руках для кормления к маткам, мыл и холил. Их скотина была лучшей в деревне. И вот со всем этим приходилось расставаться, но выхода не было. Увели весь скот, оттащили плуг и борону в колхоз. В доме стало так, как бывает после похорон. И это было у всех. Из дома исчезло молоко, яйца. Детей кормили кашей-мамалыгой, сами ели пустые щи. Утром дед и папа шли в колхоз. Работы там толком никакой не было, скот лежал на голом полу, навоз не вычищали, коров не выдаивали. Руководители колхоза являлись к обеду, заседали, выпивали. Люди толкались и не знали что делать. А ведь речь шла о живой скотине, и все это происходило зимой. Дед перестал ходить на работу в колхоз и заявил дочери и зятю, чтобы в мае они ехали подыскать себе жилье куда-нибудь в город, а он побудет с внуками. Деньги у деда были. С ним согласились и папа, и мама. И как-то все успокоилось.

И вдруг событие огромной важности. Выходит газета «Правда» и в ней огромная статья «Головокружение от успехов». Написана она была правдиво, со знанием всего происходящего. Сельсоветчики и коммунисты, насильно загоняющие людей в колхоз, объявлялись чуть ли не вредителями советской власти. Газету зачитывали до дыр. Сталина называли отцом, родителем крестьян. Что началось в деревне! В статье сообщалось, что крестьяне имеют право выйти из колхоза, забрав все, что внесли туда. На следующий день почти все пошли с заявлениями в колхоз. Разумеется, и дедушка с отцом. Бубнова и других главных не было. Их вызвали в город. Крестьяне злорадствовали, надеялись, что эти паразиты не вернуться, их посадят. Рядовые члены сельсовета угрюмо принимали заявления, но возвращать добро крестьянам отказывались, не было, мол, такого распоряжения. Их не слушали, стали разбирать свое. Вот тут началась настоящая свара. Часть скотины сдохла, инвентарь поломан, а как делить птицу? Дед не стал ругаться. Взял одну полудохлую лошадь и такую же корову непонятной масти и повел их потихоньку домой выхаживать. А отец впрягся в плуг и поволок его с трудом домой. Бороны они не нашли. Прихватили несколько кур. Боже мой, что делает уход с живностью! Дед утеплит хлев, настлал животным соломы, которую они тут же стали жадно пожирать. Но дед принес им сена, кормил понемножку, поил слегка подсоленной водой. Кур принесли домой, покормили и поселили за печкой. Дед ночевал теперь опять в хлеву и был счастлив. У коровы доился только один сосок и мать раздаивала его много раз в день понемножку, остальные соски лечили мазью. Молоко стало появляться с каждым днем все больше. Какая-то курочка на 4-й день выдала первое яичко, а затем стали нестись постоянно. Вот была радость, вот было счастье. Весной впрягли в плуг лошадь пахать огород. Но она еще была малосильная. Когда уставала – ложилась на пашню. Тогда дед и отец сами впрягались в плуг, и беременная мама им помогала. Трудились от зари до зари. Все это было в радость.

Не радовало только то, что происходило в деревне. Все высшие руководители сельсовета вернулись из города целы и невредимы, хвастались что их даже хвалили, их колхоз оказался лучшим, у них ведь сохранилась часть скотины, а вот в других колхозах не осталось ни шерстинки. Тем, кто не вышел из колхоза, выдали небольшую денежную премию. Собрали колхозников и тех, кто вышел, уговаривали опять вернуться в колхоз. Обещали дойный скот и птицу раздать по домам, оставить в колхозе лошадей, волов, инвентарь и семенной фонд. «Да ведь все уже разобрали», – кричали мужики. «Как разобрали – так и снесут», – отвечали им, – «Забыли тот год? Можем еще кое-кого и выслать, у нас власть никто не отбирал». Это собрание многих испугало. Не все пестовались со скотиной как дед. У некоторых она подохла, пахать было не на чем и нечем. И таких было немало. Они вступили обратно в колхоз. Да и сельсоветчики теперь по-другому стали относиться к делам, их, видимо, здорово пугнули в городе. Пьянства стало меньше. Коров они, правда, забрали в колхоз у тех, кто возвращался, но птицу оставили. Стали даже записывать трудодни, правда по ним еще ничего не платили. Но многие остались «частниками». Их пока не трогали. Однажды дед встретил в переулке Бубнова и сказал: «Если у вас дело пойдет, я тоже вступлю в колхоз». Бубнов посмотрел на него со злобой и сказал: «А мы тебя не примем. У меня на тебя зуб, забыл?» Дедушка испугался, все рассказал маме. Решили дожить до осени, собрать урожай, а потом, может, уйти с детьми. Дед останется, будет им помогать, кто его тронет.

В конце июля мама родила Аню. 10-го августа они все сидели за обедом, мама кормила Аню грудью. Вдруг мимо окна прошли члены (так звали тех, кто работал в сельсовете). Они протопали по крыльцу, распахнули широко дверь и сказали: «Вы подлежите ссылке. Выкидывайтесь немедленно на улицу». Дальше даже мама затруднялась сказать, что было. Их стали вышвыривать из дома. Дед вначале кричал, что будет жаловаться самому Сталину. Над ним только смеялись. Плакали дети. Соседи стояли молча, женщины плакали. Дед продолжал доказывать что папа-бедняк, поэтому его с женой и детьми не имеют права раскулачивать. «Ну пусть ваш зять откажется от жены и детей и его, как бедняка, мы оставим», – сказал Бубнов. Да, тогда было много случаев, когда люди спасали себя тем, что отказывались: жены от мужей, дети от родителей. Папа, конечно, не стал этого делать. Они с дедом стали собирать вещи, брали самое теплое, дед спрятал деньги за пазуху. Взяли мешочек муки, ковригу хлеба. И все. Их посадили на их же телегу, впрягли их же лошадь и под конвоем повезли на станцию Усмань. А впереди и сзади ехали такие же раскулаченные единоличники, поверившие в статью Сталина. Стоны, крики, плач неслись отовсюду. Перед погрузкой в товарные вагоны рассказывали, что некоторые бросились жаловаться в Райсовет, и их всех арестовали. В вагонах не было ни столов, ни сидений. Люди сидели и лежали на голом полу, подстелив, у кого что было. У двери сидел конвоир с ружьем. Дети вскоре уснули, мама держала все время Аню за пазухой – из всех щелей дуло. Они с папой улеглись по краям. А дед всю ночь просидел и проговорил с односельчанами. Гадали, куда их везут, что будет, проклинали Сталина, удивлялись, зачем была написана эта статья. Дед с этих пор называл Сталина не иначе как «иезуит». К утру остановились у какой-то станции. За водой отпускали поочередно, оставляя в заложниках детей. Конвой усилили, потому что за ночь несколько человек сбежало. Из их вагона убежали девушка с парнем. Она была из семьи раскулаченных, на Покров собирались пожениться, парень пытался ее отстоять, но бесполезно. Тогда он поехал с ней. И вот они убежали. Все радовались за них, благословляли их. А путь продолжался, невероятно трудный. Их не кормили, воды не хватало, становилось все холоднее. Каждый день из вагонов выносили мертвых. Наша семья растирала в блюде муку с водой и этим кормилась. К счастью, мама была молочной женщиной. Она кормила Аню только грудью и этим ее спасала. Дед иногда договаривался с конвоирами, давая деньги, и его выпускали купить что-нибудь. Дед был необыкновенный оптимист, он быстро пришел в себя, подружился с конвоирами, смешил их. Он и в мирное время в любой кампании всех веселил. «Бывало, животы все надрывали», – говорила мама. И теперь этот талант

ему пригодился. Он вселял уверенность в мать, в отца, поднимал их дух. Так доехали до Котласа в Архангельской губернии, высадили их на станции Луза и погнали дальше вглубь тайги. Ссылные несли на себе вещи, детей. Некоторые, сцепив руки, несли на таких носилках больных, стариков. А кругом были прекрасные сосновые леса, краснела рябина, калина, какие-то неизвестные им кустарники покрывали цветы. После степей их поражало все увиденное.

Наконец остановились на большой поляне. «Вот здесь будете жить», – сказали им конвоиры. – «А где жить?» – «Жить будете в том, что постройте». И торопитесь, здесь зима наступает быстро. Утепляйтесь. Вон, видите кресты на стороне?» – говорили конвоиры. Все еще раньше с удивлением смотрели на эти кресты. «Здесь лежат те, кого пригнали в том году. Да пригнали их поздно, в октябре. Они все здесь и полегли. Так что торопитесь». Конвоиры говорили им правду и даже жалели их. Но всем было страшно. Уже темнело. Стали укладываться на ночлег. Дед с отцом наломали лапника, настелили кое-что, дед смастерил даже полог для детей, сварили на костре кашку, помолились и легли спать, взрослые по краям, дети и мама в середине под пологом.

С утра началась спешная работа. Люди строили жилища. Топоров и пил было мало. Договорились с конвойными – позволили отправить в город мужиков за всем нужным. Все, конечно, делалось за свои деньги, которых и так было мало. А ведь надо было еще что-то закупить из еды. Проклятая власть, отобрав у них все нажитое, не давала взамен ничего необходимого. Дед хорошо разбирался в строительстве, он один построил себе дом, лучший в селе. Он работал как заводной и стыдил отца, когда тот садился отдохнуть. К их счастью, наступившая осень была хорошей, теплой. Женщины с ребятками собирали клюкву и те ягоды, которые они знали. Конвоиры советовали собирать грибы, но люди степей плохо знали местные грибы. И все равно собирали. Собирали орехи, травы.

Зима наступила сразу и люди засели в землянки. Половину постройки занимала печь, которую топили каждый день. Вторую половину занимала большая лежанка, на которой опять спали все вместе. Мать клала в одну сторону 3-х месячную Аню, с другой – 3-х летнего Колю. Они оба писались. Еда была плохая, и мать все время варила компот из ягод или травяные отвары. Они были очень кислые, горьковатые, без сахара, но мать поила детей непрерывно, чтобы заглушить голод и как-то их поддержать. Поэтому ночью мать по несколько раз меняла мокрые подстилки детей на сухие. И сушила она мокрые подстилки своими боками, потому что ночью было очень холодно. К утру избушка изнутри покрывалась инеем. Еще затемно мать вставала, зажигала лучину, втыкала ее в стену и быстрее затапливала лапником, заготовленным с вечера. Он давал тепло сразу, но прогорал быстро. После этого забивали печь поленьями, и они горели не жарко, но долго. Со стен текло. В крохотное окошко свет почти не проступал, а потом и света вообще не стало. Не имели представления, день сейчас или ночь. Детям не велели спускаться на пол, он был ледяной. Ели на той же лежанке, с краю, поочередно. Не хватало посуды. Ложки дед вырезал всем из чурок. Этими же чурками ребята играли, строили из них домики, возились, кидались друг в друга. Мама рассказывала им бесконечные свои сказки, дед играл с ними, строил, мастерил. Малышку Аню мама так и держала за пазухой у груди, подпоясав ее снизу полотном, чтобы не вывалилась. Малышка была невесома, в чем душа, и все время спала, почти не подавая голоса. Кормились почти одной «затирухой» из муки и воды, изредка что-нибудь добавляя. С февраля стали измельчать кору, растирать орехи в это «хлебово». Только раз в неделю пекли пышки, черные от добавляемой в них коры, но для ребят и это было праздником. Когда ребята засыпали, взрослые начинали свой бесконечный диалог, начатый еще в 1929-м: куда податься в этой страшной жизни. И опять приходили к тому же выводу: надо бежать, иначе сгинут дети. Они не переживут второй такой зимы. Они уже и сей-

час, чуть поиграв, засыпают, от голода и отсутствия движения. Мать не выходила из землянки. Отец выходил редко, но живчик-дед пробирался к соседям и приносил самые печальные вести: у многих умерли дети, кто-то пытался уйти, и его застрелили, все голодают. В начале апреля в их землянку тихо постучали. Это были две женщины, страшно изможденные, измученные. Они были из соседнего поселения, у них умерли дети, у одной умер муж, у другой муж пропал в лесу. Они решились бежать. На них смотрели с ужасом. Как они убегут по этой начинавшейся распутице, без еды и теплой одежды. «Вы бы хоть подождали до мая», – сказал им дед. Но они только махнули рукой, напились воды, посидели до темноты и ушли.

Мать и отец с детьми бежали в мае. Дед оставался. Делал он это для конспирации. «Буду топить печь, как будто мы все здесь. Конвоиры в наши халупы почти не заходят, а придут, скажу – убежали мои молодые в сегодняшнюю ночь. Такой спектакль им устрою – поверят». Советовал им бежать в Москву, там легче затеряться. Дед же им и устроил побег. С мая начала ходить со станции Котлас дрезина, возили стройматериалы. Сгоняли всех их разгружать. Говорили, что построят два барака, и жить будут все в бараках. Велели сносить свои халупы и освобождать место. С машинистом одной дрезины дед и договорился. Когда стемнело, вышли на полотно и ждали дрезину. Погрузились и поехали, а дедушка остался один. Утром прибыли в Котлас и с удивлением обнаружили еще две бежавших семьи с их участка. Поздоровались, но решили не общаться друг с другом. Говорили, что у мужиков все время проверяют документы. Баб с детьми почти не трогали. Отец решил держаться особняком, не выпуская семью из виду. Но вряд ли бы они добрались до Москвы, в поезде постоянно проверяли документы, и на их глазах арестовали несколько человек. Но им повезло. На станции родители встретили женщину из соседнего села, тоже сосланную с детьми. Она была из бедной семьи, и когда их раскулачивали, муж сказал своим мучителям, что она ведь из бедной семьи, ее не имеют права кулачить. Те предложили женщине отказаться от мужа, подписать такую бумагу, и тогда ее с детьми оставят. Муж умолял ее сделать это, но она ни за что не соглашалась. Так и уехали они вместе горе мыкать. К весне двое детей у них умерло. И тогда муж сказал ей, что если она не желает смерти им всем, то пусть согласится на отказ. И уговорил ее. Он сам написал заявление от ее имени, она была безграмотной. И вот в мае ей выдали документы на выезд. Она плакала навзрыд, рассказывая как они прощались с мужем. А вместе с ней рыдала мама, вспоминая своего отца. Вот эта женщина предложила им ехать вместе, ведь у нее есть документ, а сколько с ней человек – ничего не сказано. Родители с благодарностью согласились, и не зря. По дороге к отцу прицепились проверяющие красноармейцы. Женщина показала им документ и сказала, что это ее муж, провожает ее. Проверяющие не верили. Но женщина подняла крик, а рядом стояла мама и клялась, что это все правда. А тут трое маминых детей подняли тоже рев, вцепились в отца с криком: «Папа, папа». Красноармейцы ничего не поняли и отступили. Сначала все испугались, потом долго смеялись. Эта женщина посоветовала маме ехать с ней. А отец пусть останется в Москве, один он еще как-то устроится. Последнюю совместную ночь папа с мамой не спали. Отец писал своей матери письмо: «Отнесись к моим детям по-доброму. Люби свою сноху, как родную дочь. Они столько пережили». Знал отец хорошо свою мать, но все-таки надеялся на лучшее. Отец обещал сразу сообщить, если он устроится.

Трудно сказать, что пережила мать, когда они подъехали к станции Усмань. Здесь их пути с попугачицей разошлись. Встретились они случайно через 27 лет.

В 1958 году мама поехала в очередной раз к тете Поле. И в Усмани, на ярмарке встретила эту женщину, и, конечно, она зазвала маму к себе домой. Разговору их не было конца. А в это время парень лет 20-ти входил и выходил из дома, хлопоча по хозяйству. Он называл

женщину «мама». По возрасту он не годился ей в сыновья. И на сей вопрос она услышала следующую рассказ.

После отъезда своей жены, ее ссыльный муж постоянно переписывался с ней, узнавал о детях, давал советы. Он писал письма своим родным, чтобы они помогли его жене устроиться в Усмани. И родные приняли ее с семьей, построили им вот этот дом, и здесь она вырастила детей. Теперь дети живут уже отдельно, но ей хорошо помогают. В 1936 году муж написал, что женился. Он уже не мог больше переносить одиночество и женился на ссыльной, потерявшей в ссылке и мужа, и детей. Она знала эту женщину. И она написала им письмо, где радовалась за них и желала счастья. Началась война. Муж погиб на фронте, а его жена умерла. Мальчик, их сын, жил с кем-то из ссыльных. Они и написали женщине о нем. Она, ни минуты не мешкая, поехала с сыном и привезла мальчика домой. «Вот он и живет со мной, мой сыночек. Меня он сразу, еще в поезде, стал звать мамой. А как его любят братья и сестры! Умница такой, деловой, весь в отца», – рассказала она.

Теперь от Усмани надо было добираться до деревни. Никакой подводы не было, и они пошли через весь город пешком в деревню. Надо было проходить через базар, и маму удивило, что на базаре почти никого нет. Только два продавца – один с буханкой хлеба, у второго – соленые прошлогодние огурцы. Мама купила хлеба, и они его весь тут же съели. До деревни их обогнали две подводы, не остановившиеся подвезти их. И только мужик на третьей подводе посадил их и довез почти до места, а сам поехал дальше. Деревня была темная, еле пробивался свет настольных коптилок. Они прошли до свекрови весь переулок и не увидели в домах ни одной настольной лампы, и ниоткуда не было слышно человеческого голоса. Даже не было слышно собак. У дома свекрови их не встретил пес Мазай. Мама открыла дверь в сени, и они вчетвером появились в избе, пятая – Аня – сидела по-прежнему на руках у мамы. Изба у свекрови была довольно вместительная, но треть ее занимала большая русская печь, а находилось в избе девять взрослых и два ребенка. Свекровь с четырьмя детьми, старший брат отца Иван с женой и двумя маленькими детьми, и, к удивлению матери, старшая сестра отца тетя Лиза со своим мужем Егором. Все уставились на прибывших с недоумением и тревогой. «Вот я и приехала. И внуков вам привезла», – обратилась мама к свекрови. «А Тишка-то где?» – вспомнила свекровь о сыне. «Он сошел по дороге, а мне велел ехать к вам. У меня и письмо от него к матери».

«Брат сошел по дороге, а ты-то приехала с детьми. Да ты знаешь чего тебе ждать здесь за это? Да ты и нас подводишь, мы за тебя будем отвечать», – это так накинулась на маму сестра Елизавета. Мама стала объяснять, что она приехала в семью свекрови, здесь ее место. А вот зачем здесь живет Елизавета? Пусть она тоже едет в семью к мужу Егору. Дядя Егор, человек большой доброты, всегда хорошо относился к маме. Он и сейчас стал останавливать жену, успокаивал ее, привлек к себе мальчишек Алексея и Колю. Подошли к ребятам и самые младшие братья отца, Митя и Андрей. Ведь прошло всего 10 месяцев со дня расставания, Митя и Андрей всегда ходили к ним раньше в гости и теперь потянулись к племянникам. Главный человек в семье – дядя Ваня – вообще ничего не сказал, а его жена Феня спросила маму: «У тебя дочка-то спит что ли за пазухой? Она еще не начинает ходить?» Родная дочка Фени старше Ани на 5 месяцев уже ходила вдоль лавки. Мама вытащила из-за пазухи свою дочь Аню, худющую, так и не открывшую глаз. Все помолчали, потом свекровь сказала: «Пора ужинать. Вы ничего с собой не привезли? А то я не знаю, как же буду кормить вас ужином, у нас даже и ложек не хватает». Дядя Ваня что-то сказал жене, и она начала хлопотать об ужине. Оказывается, они питались отдельно, за небольшим столом у «полатей». А свекровь вынула чугунок, налила в большую миску непонятного варева бежевого цвета и положила шесть ложек на стол. Тотчас четверо ее младших детей кинулись к столу, а за ними – и мамы мальчишки. Она дала своим детям по куску хлеба, а маминым – нет, сказала, что с хлебом трудно. В мгновение

ока ребята съели все и запросили добавку, но свекровь погнала их из-за стола. Потом были вылиты остатки из чугуна, свекровь, тетя Лиза с мужем и мама с дочками Марией и Аней сели за стол. Ложки были так выщерблены, что мама невольно вспомнила, какие хорошие ложки вытачивал ее отец в ссылке. На столе была такая же затируха, какую они ели в ссылке. У дяди Вани было получше. Там была каша и даже немного молока детям. И мама поняла, как же здесь бедно живут.

После ужина долго и нудно укладывались спать. Все почти улеглись на полу на старых поношенных одеждах. Под голову положили ту же рваную одежду. Хорошо, что пол был теплый. Свекровь торопила ложиться, уже догорала «копчушка» на столе, и все послушно улеглись. А мама лежала и думала: как же здесь жить, и возможно ли здесь прожить.

Мама проснулась чуть свет и, с Аней за пазухой, тихо выбралась на улицу. Она рвалась увидеть родную сестру. Чудесное степное утро заливало всю равнину, сияло и светилось. После глухой темной сосновой чащи, мама опять увидела родные, светлые и любимые просторы. Подоткнув от росы высоко юбку, она шла задами усадеб, боясь лишних встреч. Но никого она не увидела. Раньше в деревне в эту чудесную пору уже выгоняли пастись всю скотину, уже ехали в телегах мужики на свои наделы, а сейчас – затхлый покой. Но утро так искрилось замечательно, что мама даже не почувствовала острой тоски. Она торопилась, но на каждом шагу ей попадались прекрасные вещи: пышно рос медвежий лук, ярко зеленел щавель и дикий чеснок. Кругом цвело множество кустов и трав. Мама все рвала и жадно поедала и удивлялась, как же раньше она эту прелесть мало замечала и пропускала. Вот бы запустить сюда ее ребятишек. Дом сестры был на самом краю села, а в селе, как уверяла мама, было 12 верст. Но усталость она почувствовала, лишь подойдя к двору сестры. Вот высится их овальная вкусная груша, сколько у них яблонь, слив, вишен. Она увидела открытой заднюю дверь в сад, а за ней стоял и смотрел недоуменно не нее свекор сестры. Он не узнал ее. Мама подошла, поклонилась ему и тихо поздоровалась с ним. Свекор посмотрел на нее и спросил: «Вам кто нужен?». И тогда мама назвала ему себя. Ей пришлось повторить свое имя, и тогда он спросил: «Матрена, это что ты? Откуда же ты взялась?» Мама заплакала и попросила его тихонько позвать сестру, предупредить ее заранее. Свекор у сестры был очень суровый старик, сестра его боялась, мама боялась, что он не примет ее, будет отказывать. Но он только горько покачал головой и пошел в дом.

Со свекром тети Поли я познакомилась в августе 1950 года. Мне было 12 лет и мама отправила меня в гости к сестре. Я провела в городе Усмани два тяжелейших военных года эвакуации, но мы жили около станции и в селе Завальном. Меня уложили спать в сенях. Мы должны были спать с дочерью тети Поли, Марией, но каждый вечер Мария уходила гулять на «вечорку» и возвращалась к утру. Не привыкшая спать в комнате одна, и без сестры рядом, я дико боялась. А ночи здесь были такие темные, такие звездные, по небу летали какие-то метеоры, что я лежала на сенной постели и глядела вверх со страхом. На чердаке, который в деревенских сенях занимает только половину, я обратила внимание на два корыта, стоящих торчком, и обитые материей. Я спросила тетю Поли, что это за корыта. «А, да не обращай внимания. Это гробы». «Чьи гробы?» «Да свекор под старость помешался. Боится, мы не сумеем ему успеть сделать гроб, чтобы похоронить на третий день. Да у нас некоторые старики так делают. А ведь через три года деду будет 100 лет». Эти слова поразили меня. Ну кто может быть равнодушен к виду гроба, если даже он приготовлен для живого человека. А тем более такой трус, как я. А еще более меня поразило возраст деда. Нам столько рассказывали по истории и литературе про ужасы крепостного права, я сама столько читалась об этом в книгах, что не верила в существование жителей этого страшного крепостного права. Я была прилежным историком, я знала, что отменили крепостное право в 1861 году,

я потом поступила на исторический факультет. Можно представить, как заинтересовал меня свекор. Но свекор со мной даже не разговаривал, впрочем он и с другими почти не разговаривал, но его сын и тетя Поля всегда разговаривали с ним очень почтительно и слушались его. Утром все уходило на работу, оставались дома дед, я и двухлетний сын старшей тетиной сестры Насти. Я должна была следить за этим мальшом и скажу, что это было настоящее землетрясение, а не ребенок. Успокаивался он, когда я пела ему песни. Поэтому я пела все время, особенно Коля любил песню «Широка страна моя родная». Дед пожаловался тете Поле, что я много шумлю. Тетя Поля просила меня петь немного тише, и я убавила голос. Когда Коля заснул под мое пение, я вышла в сад к деду. Он стоял, положив на посох руки и голову, и смотрел вдаль. И я осмелилась обратиться к нему, правда ли он жил в крепостное время, и правда, что это было очень жестокое и страшное время? Дед сурово посмотрел на меня и отвернулся. Мне было неудобно отойти сразу, и я постояла, глядя куда и он. И вдруг дед повернулся ко мне и сказал: «Да я жил тогда, много видел. Это было время трудное и тяжелое. Но оно было в сто крат лучше, чем время, в котором мы с тобой живем». Эти слова деда поразили меня. Я ведь считала, что мы живем в самой лучшей и прекрасной стране, и вдруг – такие слова. Я никому не сказала про эти слова: ни тете Поле, ни маме – никому. Я знала, что мы живем в лучшей и прекрасной стране, но знала, что такие вещи говорить опасно. Как-то вот это уживалось у нас в голове. Но я представляю, сколько надо было пережить деду, чтобы, не боясь, сказать эти слова. А ведь он не испытал того отверженного и бездарного раскулачивания, которое пережили мои родители.

Тетя Поля с криком выскочила из избы и бросилась к маме. Тетя Поля всю жизнь маму называла «нянюка». Так в деревне называли старших сестер, нянчивших младших. Трудно описать их встречу, она была и радостной, и тревожной, и неожиданной. Потом их позвали в избы. Истощенная постаревшая мать и замученный ребенок, которого она распеленала и вынула из подмышки, были страшны. Аня сразу чуть слышно заплакала. У тети Поли было уже 2 дочки: Настя 4 года и Маня 2 года. Они стояли тут же, и тяжело было их сравнивать их с этой замученной девочкой.

В этой избе жили 8 человек, тут тоже было тяжело, но изба была прибрана, на столе лежала скатерть, всем хватало ложек и стаканов. На завтрак была пшенная каша, сваренная без молока, но чувствовалось в ней немного растительного масла. Аня рвалась к каше и дрожала. Мама, потихоньку жевала ей кашу, сама она еще не попробовала ее. Но девочка быстро наелась, и мама наконец-то хоть перекусила. Потом разлили чай из мяты, невероятно душистый. И маме достался кусочек сахара. И хлеб был на столе. Маме казалось что она чудесно позавтракала, она допила весь чай, и решила обязательно заваривать его детям. А потом пошли разговоры; всех пугал мамин приезд, они боялись за нее. Мама всех уверяла, что ее не имели права раскулачивать, ее муж из бедной семьи. Все кивали головой, «так-то оно так, да времена-то тяжелые, непонятные». Некоторые раскулаченные пытались вернуться, а их потом сослали, а некоторых даже посадили. Мама знала, что эти разговоры будут постоянно. Она стала просить сестру, она хочет увидеть свой родной дом, там кто-то ведь живет. Но сестра ей ответила, что дом разрушен, но не сильно, и никто там не живет. Маму почему-то это очень обрадовало. Идти к дому сестра не хотела, ей это было очень тяжело, но мама ее уговорила.

И вот они стоят у своего дома. Их дом был крайним, а за ним текла река Усманка. Дом не был заселен, были сняты двери, порушено крыльцо, вынуты окна. Сестры с трудом вошли в дом. День был очень светлый, но в доме было темно. Они оборачивались и смотрели на лавки, на полки, на полати. Здесь умерли их бабушка и мать, здесь прошла их молодость, здесь мама рожала и растила детей, этот дом построил своими руками их отец, и был изгнан отсюда. Они

попали как будто в склеп. Здесь жили люди, а теперь никого нет. Проклятая злая сила отобрала у них весь скарб, а дом обрекла на безлюдье. Сестры обнялись и заплакали истошно, в голос, с причитаниями. Так плачут по умершим, которым нет возврата. Долго, не разговаривая, стояли они и смотрели на покинутое родное жилище. Потом вышли на улицу. А здесь все было залито чудесным ярким светом. Аня лежала на лавочке и спала. Мама пошла гулять по своему саду. Здесь все цвело и пахло, как ни в чем не бывало. Маму поразил и сад, и много зелени в огороде, и укроп, который никогда не сажали, а он рос всюду сам. В огороде она поразилась большому количеству растущей картошки. «Откуда ее столько?» – спросила она у сестры. «Да это же ваша картошка, вы ее посадили в прошлом году, она выросла на славу». «Неужели никто не выкопал?» «Копали, но неряшливо. Рвали руками, брали крупные клубни. А мелочь-то оставалась. Видишь, какая теперь выросла?» А ведь мои дети не знают картошки, У нас там ее и в помине не было. Пройдя сад, они вышли к реке, и мама поразилась. Их баня, недавно построенная отцом, стояла нетронутая. На ней даже висел замок. Мама пошарила под ступенькой и вытащила массивный ключ. Они с трудом стали открывать баню, ключ заржавел, но баня открылась! Здесь все было по-старому: печь не высокая, но с хорошими широкими лежанками, лавки по краям, стол большой посередине, а на столе стоял «самовар» – большой чайник емкостью с ведро. И все подстилки, простыни, банные полотенца лежали на лавках. Баня выходила единственным маленьким окном на юг, дверь была раскрыта и здесь даже воздух был лучше, чем в холодной избе.

Открыв стол, там нашли всю нужную посуду, ухваты для печки. Когда осмотр закончили, мама сказала: «Поля, я перейду сюда жить с ребятами. Жить у свекрови невозможно.» Поля испугалась: «Я знаю, у свекрови будет жить трудно, но это твоя свекровь. А на кого ты здесь сошлешься? К тебе придерутся, если ты будешь жить самостоятельно». Сама Поля была очень напугана всем произошедшим. Она боялась ходить к дому отца, боялась брать себе какие-либо его вещи. Мама понимала эти трудности. Но она решила сделать вид, что будет жить в бане летом, а потом уйдет к свекрови. Когда мать пришла в дом отца и сообщила свекрови о своем временном уходе, та очень обрадовалась. Дома почти никого не было. Мальчишки бросились к матери с жалобой на голод. Мама собрала жалкие свои вещи, взяла ребятшек, и они опять не по улице, а задом, пошли к родному дому. Там их ждала тетя Поля, она по просьбе матери купила небольшой мешок муки и немного сахара. Началась трудная жизнь для матери. На костре из кирпичей она пекла блины из одной муки, и ей не верилось, что ребята когда-нибудь наедятся и отойдут от костра сытые, но такого никогда не было. В большом своем самоваре, похожем на чайник, она постоянно держала чай из душицы, мяты, чабреца, черной смородины. Сахар раньше был колотый, не пиленный. Она делила сахар на маленькие кусочки и поила ребят почаще, думая перебить их аппетит. В суп клались все травы, крапива, щавель, лебеда – и все съедобное. Потом все это протиралось сквозь сито, и в этот чугунок мама клала чуть обжаренную муку, и ребята съедали весь чугунок за обед. Колька, самый нена сытный едок, еще долго дочиста выскребывал посуду. Ребята объели цветы акации, ели другие цветы и листья, выкапывали корни лопухов. А мама всегда держала наготове отвар дубовой коры на случай расстройств их животов. Зато спали они хорошо. Пришел дядя Егор, прибил доски к парильным полкам, мама наложила туда сухой травы и ребята спали почти до обеда, а мама уносила Аню, уходила на другой конец сада и старалась дать ребятам подольше поспать. В середине июля мама встретила колхозного возчика. «Ты что же, Матрена, хоть бы одолжила мне чего-нибудь из посылки. Я не обязан возить тебе». «Какая посылка?» – изумилась мама. «Два дня назад тебе была посылка из Москвы. Я все передал твоей свекрови. Ведь ты там проживаешь». Мама кинулась к свекрови. Там уже почти все было съедено, только в деревянном ящичке лежало немного крупы. Произошел скандал. Мама обвиняла свекровь, что она объедает своих внуков, а свекровь уверяла, что даже не разобралась, откуда что пришло. Маме

пришлось уйти с горькими слезами. Недалеко у колодца несколько баб брали воду. Они все слышали. Они выразили маме полное сочувствие. Свекровь все не любили за ее жадность, сварливость и желание урвать. Они советовали маме поговорить с возчиком, конечно, придется ему отстегнуть. Мама пошла к возчику, просила все отдавать ей и ее детям, а она будет благодарна ему. Возчик обещал. Мама шла домой очень расстроенная, но в душе у нее гнездилась радость. Значит муж жив, где-то устроился на работу, прислал посылку на 10 килограмм. Дай Бог, чаще этому повторяться. А может, внутри в посылке будет какое-нибудь письмо, может, деньги. На ящике посылки мама увидела только штамп почты, обратного адреса не было, да это и понятно. Через две недели пришла еще посылка, а еще через две – другая. Половину занимало пшено, мука и сахар. Мама перешупала все, но никаких бумаг, ни денег. На посылке не указывался московский адрес и номера почт были разные. Значит, папа остерегался. Мать пересыпала в мешочек крупу, сахар и относила потом возчику. Посылки окончательно не спасали, но ведь сколько они поели клубники, которая росла в степи изобильно. Недавно мать уже стала копать понемножку картофель, добавляя его аккуратно в суп. Один раз она помыла мелкую картошку и сварила ее отдельно. Ребята жадно ели целиком, со шкурками и все просили сварить еще такую еду. Мама радовалась за ребят и как-то освободилась от своих страхов. Они жили отдельно за мостом. Мама даже не ходила к родственникам, которых было у нее полсела. Однажды она проходила мимо группы баб у колодца. Они разговорились. Одна женщина сказала: «Я недавно видела мать Барбашина. Она напоминала сыну про тех, кто вновь сюда приехал. А сын ей ответил: «Мы скоро с ними разберемся. Расправимся сурово». Женщины стали осуждать Барбашину, сочувствовали маме. А у матери сердце застыло, тревога ее никак не отпускала.

В середине августа она копалась в огороде. Вдруг она услышала громкий разговор. Трое сельсоветчиков подошли к ней: «Мы пришли за тобой. Ты арестована. Пошли с нами». У мамы отнялись руки и ноги. Она тихо сказала: «У меня четверо детей. Мне их вести с собой?» «Мы отведем их к твоей свекрови». Мама стала просить не уводить ее в сельсовет, она никуда не уйдет от детей. А у свекрови своих детей кормить нечем. «Давай я схожу за Полей», – вызвался Бубнов. Ребятишки куда-то убежали. Мама вернулась в избу, взяла на руки Аню и подошла к мужикам. «Ты ребенка зря берешь», – сказали ей конвоиры – «Неизвестно, сколько ты просидишь в сельсовете». «Я не могу ее оставить, она еще не ходит. Я кормлю ее грудью».

В сельсовете находилось несколько вернувшихся мужиков и одна женщина. Мама поместилась на лавке. Наутро пришла Поля, она принесла маме хлеба и воды. Мама жевала хлеб с водой и этой жвачкой прямо изо рта кормила девочку. В этот день ее не вызвали, не вызвали и на третий день. Вечером опять пришла сестра. «Нянюка», – плакала она – «как же с детьми быть. Они плачут, я тайком ушла от них к тебе. Как быть с ними, если тебя арестуют?». «А тогда ты отдай их в детский дом. Пусть их заберут, пусть их государство кормит. В государстве их будут хоть по три раза в день кормить. Спать будут на кроватях. А я-то им ничего этого не дам». Ее молча слушали сидевшие с ней, тетя Поля плакала. А мама не плакала. Она вдруг успокоилась, и всю ночь провела в мыслях о детях, о том как их заберут в детский дом. Им там не будет плохо, они уже много плохого насмотрелись. Может, там им будет даже лучше. А наутро ее позвали первую. В комнате сидел мужик, показавшийся ей очень страшным, с револьвером. «Ты зачем ребенка притащила?» «У меня некому за ней смотреть, я ее еще грудью кормлю. Иначе она умрет». Между ними начался долгий и трудный разговор. Мама была на редкость спокойна и отчаянна. Она говорила смело, предложила забрать у нее всех детей, а она пойдет в тюрьму. Она не знает, где ее муж, он ушел по дороге, а его бедная семья живет здесь. Потом этот страшный мужик начал кричать на представителей сельсовета. Те оправдывались. Им раз-

решили раскулачивать тех, кто вышел из колхоза и отказался вернуться в колхоз. А от отца осужденной, Коняева Леонтия Ивановича, было еще много нехороших и опасных высказываний о власти, о колхозах, о письме Сталина. Отправить же его одного было бессмысленно, надо было отправлять с семьей, а дочь (моя мама) жила с зятем вместе с отцом в это время. «Где ваш отец?» – спросили маму. «Он остался в Котласе, в Лузе». Были еще вопросы, мама отвечала, где правду, где выдумывала. Потом этот страшный мужик остался один, начал что-то писать, а потом обратился к ней. «Я подписал вам бумагу. Вы можете жить здесь. Вас больше никто не тронет». Мама взяла бумагу, хотела сказать спасибо, сказать что-нибудь доброе этому человеку, но не могла выговорить. А он встал и ушел, сказав ей: «Идите спокойно домой!» Мама шла и заливалась слезами. Она благословляла этого мужика, молилась за него. И радовалась, что и там есть хорошие и добрые люди. После этого она стала появляться на улице намного спокойнее.

В сентябре в хороший день мама решила пойти в Усмань. В деревне купить было ничего невозможно. Она взяла 4 подходящих мешочка: два для картошки, 2 еще что-нибудь подкупить из еды. Она ушла рано утром, предупредив Маню, что вернется вечером. Только после полудня она нагрузила свои сумки, связала их, чтобы нести ловчее и тронулась в путь. Пройдя половину, она села отдохнуть и вспомнила, что вот от этого места, если пройти лес и поляну, она может быстрее прийти домой. Она здесь раньше не ходила, ведь раньше до города и обратно они ездили на телегах, но она слышала про этот путь. Отдохнув немного, она прошла лес и вышла к полю. Дорога пошла вниз, мать опять села отдохнуть, положила мешки. Уже смеркалось. Мама пошла на поле посмотреть, какие там растут травы. Она сделала два шага, и вдруг ее правая нога провалилась до колена. Она стала судорожно дергать ногу и упала на левый бок, в трясины. И тут мама вспомнила, что раньше слышала что-то про эту трясины. Да как же она могла забыть про это! Своими торопливыми движениями мама делала себе хуже. Она чувствовала отвратительное чмокание, ее тихо засасывало, а она не могла двинуть провалившейся ногой, которую свело судорогой. Ужас охватил ее, она стала истошно кричать: «Богородица, спаси меня. Пожалей моих несчастных детей. Они погибнут без меня». Вдруг прошел какой-то порыв ветра. Он наклонил маленькую березку, которую мать вначале даже не заметила. Мать схватилась свободной рукой осторожно за ветку и, боясь ее сломать, с трудом дотянулась до нижнего ствола этой жалкой березки.

«Богородица спасла меня», – говорила мама, рассказывая нам эту историю. Держась за дерево, цепляясь другой рукой за траву и землю, мама начала осторожными движениями подаваться к березе. Но жутко скрутило засосанную ногу, ее немилосердно сводило. Долго, стискивая зубы от боли, мать наконец выкатилась на траву. Уже сиял во все небо необычайно яркий месяц, было светло как днем. Надо было подниматься и идти домой. Мамины сапоги остались в болоте. Тихо ступая, мать добралась до своих покупок. Какая была радость, что она не пошла со своим грузом в болото, все на месте, даже кривой железный бидон с растительным маслом целых три литра, не пострадал от порыва ветра. Эта спасенная жизнь и спасенные продукты дали маме силы все взвалить на себя и босыми ногами, по невероятно грязной и мокрой, холодной земле, отправиться домой. Когда она дошла до речки и повернула к дому, по всей степи уже разливался ранний золотой рассвет. Мать ни разу не отдохнула, она останавливалась иногда под деревом и два раза садилась на пеньки, но ни разу не сняла свою ношу, боясь, что повторно она уже ее не взвалит на себя. Дверь в баню была открыта, мальчишки спали на печке. Маня спала, сидя на лавке, головой на столе. На столе же лежала Аня. Она не спала, а увидев маму – заплакала. Мать вынесла ее на улицу, развязала мешок, в котором сверху лежал хлеб, стала жевать его, и этим хлебом она ее покормила. А потом мать пошла в реку, выкупалась в ледяной воде и принялась за дела. Надо все переложить в ларь, обитый железом, подальше

от мышей. Надо затопить срочно печку, в бане было холодно. Хорошо, что дрова она всегда с вечера клала в печь, чтобы они подсохли. А потом она заварила свой душистый травяной чай. И вскоре проснулись ребята, как всегда – жутко голодные. Они поели все, что она им успела приготовить, выпили весь чай. Дети рассказали ей, что они ждали ее до самой ночи, сидели у дома, плакали. Есть было нечего, они ждали ее с гостинцами. А она слушала их, топила печь и думала, что бывает же такое счастье. Ведь она вернулась домой.

Мама всегда боялась болотистых мест. На даче она могла ходить за грибами хоть с кем-нибудь. Когда мы жили на своей любимой Шелепихе, то в баню ходили на Фили. Там были старые бани, не доходя до красивой двухэтажной церкви. В этой церкви до войны крестили меня и мою младшую сестру Нину. Мы проходили вдоль реки, и там в одном месте было болото, довольно приличное. Там иногда громко квакали лягушки. И мама всегда оставалась, слушала это кваканье, а потом молилась на церковь. Мы ее торопили, а она всегда говорила: «Ой, не дай Бог никому всадиться в это болото. Страсть-то какая». Церковь, на которую молилась мама, после войны уже не работала. В войну там были конюшни. Но мама никогда не проходила не помолвившись усердно, мимо этого болота.

Наступило очень тяжелое время. Пришел ноябрь, а потом зима. Двери закрывались наглухо, пол застилался старыми тряпками. Печь топилась долго. Мама старалась сохранить тепло. В окно свет чуть пробивался и целый день мать жгла лучину, воткнутую в щель на стене печки. Все ходили босиком, обуви домашней не было. У двери стояли две пары старых протертых валенок для выхода на улицу. А выходить приходилось часто. Покормив ребят, мать одевала старый пиджак, повязывалась накрест платком и шла добывать дров на следующий день. Рубила, где удавалось, свою же избу. Обрубала ветки деревьев. Набрал достаточно, возвращалась в баню. Когда в конце января повалил снег, надо было расчищать дорогу к улице, а иначе к ним не попасть. Мальчишки, особенно когда повалил снег, выскакивали на улицу прямо босиком, раздетые, и еле удавалось их силком загнать домой. Маня одевала большие валенки и старалась помогать маме. Но чаще всего ей приходилось сидеть дома и следить за Аней, которая тихонько уже ходила по лавке, держась за стол. В их жилище был беспорядок: пол заслан, всюду все навалено, помойное ведро и таз стояли у двери, и их приходилось часто опорожнять. Навести порядок не было никакой возможности. Мальчишкам было раздолье. Они лазили на русскую печку и бесстрашно прыгали с нее, играли в прятки и возились с котом. Этот кот прижился у них, его не кормили, он питался мышами, которых было предостаточно. Но когда садились есть, кот не отходил от лавки и очень радовался, если ему доставался маленький кусок хлеба или шкурка от картошки. Несколько раз приходила тетя Поля с мужем, дядей Ваней. Он приносил пилу и они с мамой отпиливали большие бревна в бывшем жилом доме и делили их на дрова. К весне мама практически разрушила свой некогда обитаемый еще крепкий дом. В посылках, которые она получала из Москвы от папы, регулярно находила немного спрятанных денег. Да только купить на них что-то в деревне было очень трудно. Люди, к которым она могла ходить, сами голодали, и у них ничего нельзя было купить даже за деньги. В сельпо мама особо ходить опасалась. Там свободно можно было купить муку, а за остальными продуктами всегда были очереди, и мама боялась лишний раз быть на глазах. Она брала муку и почти каждый день хоть раз пекла блины на воде. От родных она могла получить лишь старые занесенные вещи, но она все брала и несла домой на подстилку, на тряпки, которыми прикрывались ночью. Ребята хотели есть постоянно, мама регулярно заваривала им чай, поила их, рассказывала в свободное время сказки, которые умела сочинять на ходу, старалась отвлечь их внимание. У нее было насушено много сухих фруктов. Она постоянно летом резала и раскладывала где могла яблоки, груши, целиком вишни. Вишни исчезли быстро, а яблоки и груши мама дотянула до конца марта. Она два раза давала деньги возчику, чтобы он купил картошку

на базаре. Ведь он часто ездил в город, но он был недоволен, боялся потерять работу, да и ему ничего не доставалось на рынке, он же ездил в будни, а рынок уже в 10 часов пустел. Он оба раза долго тянул, но все таки привез ей картофель. Но брал хорошую мзду.

Мама никогда не думала, что к ней кто-то полезет, но она ошиблась. Это случилось в февралю. Мама накануне получила посылку от отца. Она хорошо и плотно закрывалась на ночь, иначе от двери сильно дуло. Два боковых запора она сильно затягивала ржавой железной цепью и замыкала на замок, чтобы дверь хорошо держалась, и не продувало. А еще наваливала к двери все тряпки и клала на них боком лавку, для тяжести. Она делала это для тепла. Что у них брать кроме грязных тряпок. Но она ходила за мукой, значит у нее есть деньги. Мама всю жизнь мучилась со сном. Она всегда спала плохо. А в деревне она спала еще хуже. Ночь зимняя длинная, не чаешь дожидаться рассвета. Мама услышала подозрительный шум. Кто-то тихо дергал дверь сначала на себя, потом тихонько стал дергать вбок. Мама испугалась. Совершенно бесшумно она прошла к двери и прислушалась. Она услышала шепот и тяжелое дыхание. У мамы был топор и колун, они лежали тут же. Мать взяла табуретку, бесшумно влезла на нее и посмотрела в маленькое окошко. Светила луна. Мама узнала одного из нападавших. Она взяла топор и стала у двери. За стеной тихо возились. И вдруг дверь как будто приподняли и сильно дернули. «Поль, Поля, ты что там у двери делаешь», – спросила мама. Она хотела показать, что она не одна, что у нее ночует Поля. Погодя, она откликнулась, изображая Полю: «Да я тут на двор встала. Что ты тут каких-то топоров и колунов навалила». Потом она смолкла, но стала ходить вдоль двери, гремя топором и колуном. Пропели петухи и мама поняла, что ночь уже во второй половине. Она сидела на табурете и не подавала голоса. В бане было тепло, вьюшки были закрыты. Мама думала что грабители уже ушли. И вдруг они как будто приподняли дверь и рванули ее. Мама вскочила и закричала: «Это кто же здесь озорует. Поля, бери колун, а я возьму топор. Ахну по голове или отрублю руки». Она что-то проговорила за Полю, но тут закричала Маня: «Мама, мама». Мама стояла у двери с топором. Маня покричала и замолчала. Остальные не проснулись. А мама все стояла с топором, пока не стал брезжить рассвет. Потом забралась на табурет, посмотрела, никого уже не было видно. Утром, когда она испекла блинов и стала кормить ребят, Маня спросила: «Мама, с кем ты ругалась ночью? Ты кричала!» «Да лиса приходила к нам, к коту подбивалась. Пришлось мне на нее ругаться». А дальше, как всегда, пришлось рассказывать ребятам про лису. Но когда ребята наелись, мать оделась и пошла к свекрови. Она жила близко, надо было позвать мужиков посмотреть дверь. К счастью мамы, свекрови и тети Лизы дома не было. Мать стала все рассказывать дяде Егору. Подошел и Иван, папин брат. Они пошли с мамой к ее бане. Когда осмотрели дверь, дядя Егор сказал маме: «Ты хорошо отделалась. Они ведь притолоку сломали. Еще один рывок и они бы к вам прорвались». Мужики все привели в порядок. Дядя Ваня ушел, а дядя Егор остался. Он рассказал маме, что они с тетей Лизой хотят потихоньку уехать в Москву. Может они там разыщут ее Тихона, узнают его адрес. «Да как ты его в Москве то разыщешь. Она Москва-то какая огромная». «Да не такая она и большая. Я туда мальчиком со старшиной до революции ездил, помогал ему, лошадь стерег. Да обычный город». Мама рассказала дяде Егору про одного из нападавших. Егор был мужик тихий, куда ему было справиться с этим хулиганом. Он посоветовал маме пойти к ее дяде, тоже Ивану. Этот Иван был самым младшим братом в большой семье, к которой раньше, до раздела, принадлежал и мамин отец Леонтий Иванович. Иван очень любил маму, оказывал ей всегда расположение. Помочь он ей ничем не мог, у него были свои детки. Один из детей, тоже Иван, был ровесник брату Николаю. Он впоследствии, после войны, жил в нашей семье, как родной. Этого дядю Ивана в деревне все боялись. Огромного роста, красавец, он никому не давал спуска. Мама послушалась Егора, пошла к дяде Ивану и рассказала про ночное происшествие, назвала нападавшего. Дядя Иван ее успокоил. Он сегодня же навестит этого подлюгу и так, что он ей на глаза больше не покажется. Маме стало легче. А потом

пошли те же дни. Иногда заходила тетя Поля, стал иногда заглядывать дядя Иван и своими могучими руками отрывать очередное бревно от почти уже разоренного дома – на растопку. Стала болеть маленькая Аня. В апреле маме два раза показалось, что девочка умерла. Она лежала неподвижно, посиневшая, и даже не шевелилась. Один раз при этом была тетя Поля, она даже оставалась ночевать у них. Иногда мама тайком думала, что лучше бы Аня умерла. Она была слабая, замученная, не хватало сил поднимать ее. Но Аня оживала, вновь шевелилась.

Аня прожила 69 лет, умерла она 9 июля 1999 года по вине врачей. Она поскользнулась, упала на улице и сломала шейку бедра. Ее отвезли в 71-ю больницу. Через несколько дней ей делали операцию. Аня была женщиной сильной, у нее было трое детей, все уже определены. Муж и дети хотели после операции сразу отвезти ее домой. Врачи это одобряли. Что получилось – не знаем. То ли наркоз сильный, то ли еще что-то. Мы, вся родня, были в таком потрясении и горе, что так ничего и не узнали.

В апреле, получив вторую посылку, мама нашла немного денег и адрес, написанный четким почерком отца.

У отца был очень хороший ясный почерк. Он был грамотным, отучился 4 класса в церковно-приходской школе. Он хорошо читал и говорил грамотным языком. Мама от него очень отставала. Она училась в школе всего полгода. Ее мать сломала правую руку, и год рука у нее была больная. Ни тесто замесить, ни коров подоить – ничего она не могла. Мама, как старшая дочь, в 9 лет начала заниматься хозяйством. На этом и кончилось ее обучение. Мама писала большими буквами, как говорила. И говорила она до конца жизни по-деревенски. Но она знала так много народных слов, была очень речиста и доходчива, что слушать ее было одно удовольствие. Читала она с трудом, но зато очень она любила слушать чтение. И сколько я перечитывала ей книг – сказать невозможно! Ее любимый «Тихий Дон» прочитала полностью, а некоторые места из него, по ее просьбе, я ей перечитывала по несколько раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.